

ИЗ НЕВЫДУМАННОГО

рассказы

ЛЬГОТА СМЕРТИ

Выстрелов он почти не слышал, только чувствовал, как пули кромсали изувеченное тело. Мутное пятно сознания лихорадочно скакало в розовом тумане. Очертания улиц, машин, бледное мигание светофоров проносились мимо, словно черно-белое кино на сером запыленном экране. Машину он вел на автомате, как пьяный, позже все будут им восхищаться, говорить о мужестве, о сильной воле, а он просто давил на газ, крепко вцепившись в руль, гнал по Москве и очередной раз пытался обмануть, перехитрить, обвести вокруг пальца влюбленную в него смерть. Когда Максим нажал кнопку звонка и окровавленный ввалился в знакомую квартиру, кто-то внутри громко щелкнул выключателем и остатки мутного света, кое-как связывавшие его с окружающим миром, резко погасли.

Промежуток между жизнью и нежизнью растянулся на долгих три недели. Иногда, прорывая шевелящуюся, с серебристыми блестками мглу, к нему прорывались размытые пятна чьих-то лиц, раскатистым глухим эхом вибрировали смутные голоса. Кто придумал, что смерть это отвратительная злая старуха в неопрятных лохмотьях, с зазубренной косой в руке? Вон она сидит у его ног, красивая, бледная, с огромными, слегка раскосыми глазами, в тонких эфирных одеждах, сквозь которые, источая внутренний свет, неясно и вожденно проглядывают контуры белоснежного, как мрамор, тела. Тонкие длинные руки с нервными пальцами, словно чуткие крылья птицы, готовы в любое мгновение встрепнуться и с нежностью принять в прохладные объятия остатки его бессмертной сути.

...Впервые они познакомились давно, в пыльных, выжженных солнцем горах. Горький запах колючих трав щекотал ноздри, яркое солнце только вставало над оскалившимися на небо щербатыми каменными глыбами. Все развивалось по законам войны и не предвещало в ближайшие часы крупных неприятностей, но томной красавице, которая более всего на свете любит младенцев и полных жизни солдат, приглянулся ладный старший лейтенант с голубыми глазами и золотистыми кудрями. А любовь, как известно, слепа. Мину Максим увидел краем глаза, ее пластмассовый корпус блестел не огнями далекой Франции, где ее с любовью собрали,

а жестким афганским солнцем, но увидел он не свою, а чью-то чужую мину. От своей в памяти остался только какой-то неясный громкий звук. Смерть с искренним восхищением и глазами, полными обожания, бросилась к нему. О, как она влекла его к себе, грязного истерзанного, с оторванными ногами. Сознание он фактически не терял. Приподнявшись на локтях, увидел в кровавом месиве ослепительно белые обломки костей, недалеко валялся его кроссовок, из которого серой трубой торчал толстый шерстяной носок.

Это вылинявшее афганское небо застряло в его памяти на всю жизнь. Не обращая внимания на призывные жесты бледной незнакомки, он нашарил в кармане пару шприц-тюбиков промедола и прямо через заскорузлые от пота и крови штаны вонзил в себя тупые иглы. Чем больше он двигался, шевелился, шарил глазами вокруг, пытался перевернуться на живот, тем все дальше удалялась раздосадованная дева. Ее место как-то незаметно заняла другая женщина, лица которой он не видел. Она сидела в изголовье, и только красные от долгой стирки в холодной воде знакомые руки осторожно стирали липкую испарину с его лба. Он напрасно пытался сильнее запрокинуть голову, чтобы узнать ее, видел только руки и простенький голубой сарафан, похожий на тот, который они купили с женой на второй день после свадьбы. Белое, как будто вырезанное из консервной банки, солнце растворяло ее лицо.

Не в силах больше смотреть в обжигающий лик языческого бога, он прикрыл глаза. Темно-багровые пятна медленно затанцевали в розовом мареве. Вдруг земля дрогнула, и на него посыпались песок и мелкие камни. От неожиданности Максим метнулся вправо и перевернулся на живот. Метрах в семи от него неестественно дергались чьи-то затихающие останки. Однако, невзирая на потери, настырные разведчики все же вытащили своего командира.

Позже, валяясь на пропитанных гноем матрацах в полевых госпиталях, он проклинал все на свете и звал потрескавшимися от жара губами бледнолицую красавицу. Иногда она приходила, почти касалась его своими длинными, слегка влажными пальцами, он чувствовал ее тонкое чистое дыхание, и все же, смущенно улыбаясь, она отступала. Так было и у самого трапа самолета, когда какой-то подполковник с кирпичным от беспробудной пьянки лицом орал сиплым голосом:

— Куда вы мне этот труп суете, он же окочурится еще до набора высоты. Тащите назад! За нами «тюльпан» пойдет, он его приберет.

Носилки с Максимом таскали из стороны в сторону, спотыкались о них, матерились, но все же каким-то чудом затолкали в переполненный «санитар». Вот тогда, вкрадчиво заглянув ему в глаза, смерть и прошептала: «Я даю тебе льготу, любимый, не забывай обо мне...»

Пьяный город Ташкент. Город жизни и смерти, город встреч и расставаний. Ворота Домой и в Никуда. Город, навсегда оставшийся в памяти, какими прекрасными и веселыми были твои пыльные улицы, как головокружительно пахли твои цветы, как райски плескалась вода в твоих

фонтанах, какими сказочно красивыми были твои пугливые женщины. Но над этим праздником жизни незримым серым призраком висела война. Максим, как и сотни тысяч других, еще не знал, что она навсегда поселится в его сердце.

Госпитальная жизнь тянулась своим нудным, как жужжащая муха, чередом. Старший лейтенант быстро шел на поправку, и если бы не пластмассовые осколки, отторгаемые его плотью, можно было бы давно встать на учебные протезы. К унизительному ползанию на коленях он привыкал трудно. Окружающие стали неестественно высокими, на всех надо было смотреть по-собачьи снизу. Общая беда и боль объединяли человеческие обрубки, придавали силы, и они, помогая друг другу, забирались на высокие лавки в курилке и громко ржали, издеваясь над собой. Станными, неестественными и дикими для того времени были их разговоры и споры. Легкораненные и медперсонал старались долго не задерживаться в их компании и, посоветовав меньше распускать языки, торопились ретироваться.

— Макс, что ты страдаешь? — нарочито громко закудахтал Колька Муздохов. — Тебе наша славная страна обязательно выдаст лучшие в мире протезы и, дав под жопу пинка, отправит на базар просить милостыню. Не переживай, как при Сталине на подшипниках не выкинут, хотя, сукой буду, им этого очень хочется, бабки-то экономить надо. Лучше еще какую-нибудь собаку в космос запустят, а мы и так, на роликах, до кладбища доедем.

— Муздохов, прекращай упаднические разговоры, — как правило, первым заводился безногий замполит.

— Чего упаднические, это ты со своего танка упал и таким умным сделался. Погоди, может, еще свидимся годков через пять, посмотрим, как петть будешь.

— Коля перестань, ты же герой, командира своего и товарищей спас, сам заметку про твой подвиг на политинформации солдатам читал.

— Спасибо тебе, Кузьмич. А про то, что я здесь уже седьмой месяц валяюсь и другого лечения, кроме подпиливания моих культи, у них для меня нет, ты там солдатам не повествовал, а?

— Правильно, Колян, — вклинился в разговор седой и постоянно пьяный прапорщик Барека, прославившийся еще там, за речкой, тем, что был неоднократно профилактингован «контриками» за рассказы о существовании некоего тайного братства прапоров, призванных то ли растащить, то ли спасти армию, — врежь ему. Все мы тут герои хреновы, только от геройства нашего в доме ничего не прибавится. Вон Максим, молоток, вчера ночью медичку Нинулю, хоть и с табуреточки, а отходил. А ты чего, капитан, раздухарился, мошонка-то покоцана, ты думаешь, я не видел, с какой постной рожей от тебя благоверная уезжала? Но ты не кисни, у меня в десантуре, в триста сорок пятом полку, прапор Кузя есть, фельдшер от Бога, я ему для тебя кое-что заказал, удержу не будет. А про геройство, Кузьмич, глупости это все, забудь. Калеки мы сейчас, а не герои.